

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

14 годъ
изданія.

1908

3 Феврадя.

№ 5.

Цѣна за 52 №—пять руб. съ перквей епархіи; съ членовъ причта, съ частныхъ подписчиковъ, съ церковныхъ школъ—три руб. въ годъ; цѣна одного номера—28 к. (четыре почтовыхъ марки).

Адресъ: Владикавказъ
(Терской области) Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Оффиціальная часть.

Отъ Владикавказской Духовной Консисторіи.

Отношеніемъ отъ 22 декабря 1907 года за № 54312, Ставропольская Казенная Палата сообщила Консисторіи объ открытіи кредита по смѣтѣ 1908 г. Святѣйшаго Синода на январь, февраль и мартъ мѣсяцы 1908 г. на 25.062 руб. въ распоряженіе Духовной Консисторіи. Въ числѣ отпушенной суммы значатся слѣдующія кредиты: 1) на содержаніе Духовной Консисторіи: а) личнаго состава 3613 руб. и б) канцелярскіе и хозяйственные расходы 500 руб., всего 4113 руб., в) разные расходы администраціи и путевое довольствіе 125 р. г) содержаніе духовенства: 1) содержаніе епархіальнаго Преосвященнаго 1000 руб., 2) Архіерейскаго дома—личный составъ 2000 руб., д) кафедральнаго собора личный составъ 1140 руб. и ж) городского и сельскаго духовенства 16684 руб.

Перемѣны по службѣ.

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Геше-

она, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго отъ 11-го января 1908 года священникъ миссіонеръ Борчалинскаго прихода Дмитрій Осиповъ освобожденъ, согласно его просьбѣ отъ даннаго ему назначенія въ селеніе Орбеліановку Пятигорскаго отдѣла, а на мѣсто его назначенъ священникъ Покровской церкви села Колодезя—Кунача, Орловской епархіи, Сергій Понятовскій.

Резолюціей отъ 31 декабря 1907 г. в. и. д. псаломщика церкви ст. Старонавловской Дмитрій Толстовъ, Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гедеономъ Епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ назначенъ и. д. псаломщика при той-же церкви.

Отъ Правленія Владикавказскаго Духовнаго училища.

По журналу Правленія училища отъ 17-го января за № 4-мъ приняты на второе полугодіе 1907⁸ учебнаго года слѣдующіе ученики: а) на **полное епархіальное** содержаніе: IV класса—Бабіевъ С., Гадіевъ П., Лапинъ Ѡ., Михеевъ А., Путятинъ А.; III класса—Благоднравовъ Вл., Закхеевъ Вл., Лапинъ С., Роговицкій Мих., Сахаровъ Коз., Тихомировъ Вик., Юшковъ Н. II класса—Бочаровъ Н., Валицьевъ Н., Величко Н., Епихинъ А., Кардашевскій П., Ливановъ Вал., Михеевъ Н., Моничъ М., Накусовъ А., Ртищевъ А. I класса—Бабіевъ С., Бѣдинъ Б., Глаголевъ Б., Колодяжный Г., Кудрявцевъ А., Путятинъ Ив., Туаевъ Викт. и приготовительнаго класса—Благоднравовъ Ал., Давиденко Н., Дегтяревъ П., Михеевъ Б., Погорѣловъ Дим., Сохадзе Іас. и Ступочкинъ Ив. и на **полупархіальное** содержаніе, IV класса—Плазуновъ Н., III класса—Бицоевъ А., Пхакадзе А., Стодеревакскій Пол.; II класса—Величко А., Зинченко Іак., Ивановъ Д., Кукушкинъ Дмитр., Тихомировъ П., Царевскій Пант.; I класса—Богоявленскій Вяч., Закхеевъ Н. Студенецкій Серг., Тлатовъ Н., Тугариновъ Ал. и приготовительнаго класса—Бакурадзе Н., Вязовскій А., Яблонскій П-ль. Всего 54 ученика, при комплектѣ 40 полныхъ и 10 половинныхъ епархіальныхъ вакансій.

Освобождены от платы за правоученіе иносословные ученики: IV кл.—Куровицынъ Макс. Ш кл.—Павленко Н-ай и Шабалинъ Род.

Редакторъ офіціальной части Священникъ В. ТОПКИНЪ.

НЕОФИЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

О милосердіи Божіемъ къ кающемуся грѣшнику.

(Поученіе въ недѣлю „о блудномъ сынѣ“*).

Христіане, усердные въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ и внимательные къ службѣ церковной, замѣтили уже, что наступила другая недѣля—подготовительная къ посту—«недѣля о блудномъ сынѣ». Нашему вниманію предложено нынѣ на литургіи чтеніе Евангельской притчи о блудномъ сынѣ. Глубоко-назидательна эта притча и особенно-трогательное впечатлѣніе должна производить она въ нашихъ грѣшныхъ сердцахъ на канунѣ поста.

Воспроизведемъ краткое содержаніе ея и извлечемъ урокъ назиданія для себя. У одного отца было два сына. Второму-младшему сыну наскучило жить въ дому отчемъ, по своей волѣ жить захотѣлось. Какъ ни отговаривалъ отецъ, сынъ настойчиво упросилъ его выдать ему часть имѣнія. Получивъ свою часть, удалился онъ на страну далече: тамъ, безъ глазъ отцовскихъ, просторнѣе ему. И повольничалъ. Промотавши изъ имѣнія отцовскаго свою часть, голодный, нанялся „блудный сынъ“ пасть свиней. И радъ бы несчастный утолить свой голодъ нищею свиней, да и той не давали ему. И опомнился блудный сынъ. „Въ домѣ отца моего всего вдоволь; тамъ послѣдній слуга сытъ и одѣтъ; а я умираю съ голода. Пойти бы къ отцу... Онъ милосердъ, онъ проститъ! Но какъ пойти, какъ явиться, чѣмъ оправдаться? Скажу: прости, отецъ! я согрѣшилъ предъ тобою, прими меня хотя въ число слугъ твоихъ... Безъ оправданій, безъ дальнихъ размысленій, встану, пойду къ отцу моему, покину непривѣтливую страну далекую, отправлюсь на родину—всегда милую, дорогую—неизмѣнную въ любви своей“... Поднялся и пошелъ. Приходитъ. Вотъ и родина, вотъ отчій домъ!.. Безцѣнные слова Евангельскія трогательными чертами изображаютъ встрѣчу сына съ отцомъ. „И когда онъ былъ еще

*) Соотвѣтствующія времени поученія печатаются за недѣлю впередъ, чтобы они могли быть кому-н. пригодны. Ред.

далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился; и побѣжалъ (забывши старость свою!.. любовь могучая-всесвятая!) палъ ему на шею и цѣловалъ его "... Два любящихъ сердца слились во едино: прощеніе одного и раскаяніе другого соединило ихъ! Сынъ кинулся въ распростертыя объятія отца, не успѣвъ договорить словъ покаянія.

Такова притча Евангельская. Глаголы живота вѣчнаго, до мельчайшихъ подробностей, примѣнительны къ жизни многихъ и современныхъ блудныхъ сыновъ и дочерей. Такъ кстати, такъ благовременно предложена эта притча нашему вниманію. Приближается постъ; совѣсть чувствительнѣе, чѣмъ когда-л. въ другое время, начинаетъ беспокоить; душа въ смущеніи и страхѣ предъ нелицеприятнымъ Судьею за грѣхи содѣянные въ мимолетствѣ лѣтъ... И теперь-то раздается успокоительный, ободряющій голосъ отъ отца милосердомъ. Кто-же этотъ отецъ, милующій блуднаго сына? И безъ объясненія, чья грѣшная душа не догадается, что этотъ милосердый отецъ есть Богъ—Отецъ нашъ небесный! О, еслибы мы—великіе грѣшники—сердцемъ почувствовали и умомъ поняли, сколько любви у Отца небеснаго къ кающимся грѣшникамъ, давно бы мы отвѣтили Ему взаимною любовію и боялись бы огорчить Его грѣхами своими.

Не смущайся, же, кающійся грѣшникъ, мыслию: «не приметъ Господь мое покаяніе, нѣтъ прощенія моимъ грѣхамъ!» Это діаволь нашептываетъ грѣшнику мысль объ отчаяніи въ спасеніи души его: „какъ? ты смѣешь просить у Бога милости? такой грѣшникъ!“ Не слушайся, братъ кающійся, этихъ нашептываній діавольскихъ; вспомни лучше о Богѣ, о Его милосердіи къ грѣшникамъ: сравни себя съ блуднымъ сыномъ, о которомъ говоритъ тебѣ Господь въ Евангеліи и—спасайся, бѣги отъ діавола, сиѣши къ Богу съ покаяніемъ.

Намъ-ли грѣшнымъ Отецъ небесный откажетъ въ покаяніи? О, утѣха наша, унованіе непостыдное—щедроты Твоя, Господи! Отецъ небесный и насъ кающихся приметъ, и милосердыми очами воззритъ на насъ, и милы Ему будемъ, и текъ нападетъ на вы наши и облобызаетъ насъ... Не бойтесь, грѣшники: не будетъ Отецъ небесный чинить вамъ никакого выговора за неисправность и отлученіе... (Св. Тихонъ Зад). Ширь былъ въ домѣ отца, куда пришелъ блудный сынъ. А какая радость бываетъ на небѣ о единомъ грѣшникѣ кающемся! Этотъ праздникъ цѣлаго неба и описать нельзя. О 99 праведникахъ не бываетъ тамъ, у Ангеловъ, такой радости, какая бываетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся. Сколько объятій „родныхъ“ простирается изъ отчины небесной къ намъ—странникамъ и плѣнникамъ земнымъ!...

Порадуемъ-же, бр., Бога и ангеловъ своимъ покаяніемъ въ предстоящій постъ.

Священникъ І. Поповъ.

Плѣнь грѣховный.

(Слово въ недѣлю .о блудномъ сынѣ.“)

«На рѣкахъ Вавилонскихъ—
Тамо сѣдохомъ и плакохамъ»...

Какая чудная пѣснь! Какія скорбныя слова и звуки!..—Это вздохи, томящейся въ неволѣ души, поработанной тяжелымъ плѣномъ, потерявшей родной край и милые уголки своей земли. Вотъ мы разсѣялись на рѣкахъ Вавилонскихъ, въ плодородной равнинѣ, гдѣ Тигръ и Еффратъ, Ховеръ и Евней раздѣляются на множество отдѣльныхъ притоковъ, „тамо сѣдохомъ и плакохамъ“,—тамъ сидѣли мы несчастные плѣнники, сидѣли и горько, горько плакали, „всегда помянути намъ Сиона“—вспоминая о нашемъ родномъ, дорогомъ Сионѣ... Не до радостныхъ пѣсней, не до музыки намъ было тогда: не для того мы принесли съ собою десятиструнные арфы; „на вербихъ прибрежныхъ посреди Вавилона обѣсихомъ органы наша“, повѣсили и смотрѣли на нихъ, вспоминая въ слезахъ минувшіе, свѣтлые дни, когда бывало стройно и громко—торжественно звучали эти органы—арфы въ свѣтло—радостные праздники Божіи, подъ священою сѣнью величественнаго храма Соломонова. Но увы!—Все прошло! не стало этого храма, въ развалинахъ былъ городъ святой; сами мы томились въ неволѣ на чужой сторонѣ; съ холоднымъ презрѣніемъ окружали насъ наши враги; съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, какъ на добычу свою; мѣ обливались слезами, а они со смѣхомъ и бранью, съ жестокой насмѣшкой къ намъ приставали; „яко тамо вопросиша плѣншии насъ о словесѣхъ пѣсней и ведшіе насъ притѣснители наши о пѣніи“. О, какъ горько было намъ слышать эти насмѣшки, терпѣть укоризны нашихъ гордыхъ владыкъ!—„Воспойте-жъ намъ, говорили они, воспойте намъ отъ пѣсней Сионскихъ“,—потѣшайте насъ своими Сионскими пѣснями, мы послушаемъ: такъ-ли весело вы будете пѣть ихъ здѣсь на нашихъ рѣкахъ Вавилонскихъ? Но возможно-ли это, о сыны „Вавилона?“—„како воспоемъ пѣснь Господню—пѣснь священнаго славословія Господу—на землѣ рабства и плѣненія?... Нѣтъ, что хотите дѣлайте съ нами: мучьте, терзайте, жизни лишите, а мы не станемъ для вашей потѣхи пѣть пѣсни Сионскія: никогда не слыхать вамъ нашихъ священныхъ псалмовъ! Но, горе намъ грѣшнымъ—лютое горе!—Не пѣли мы пѣсней хвалебныхъ, когда можно и должно ихъ пѣть, когда храмъ нашъ не былъ разрушенъ и сами мы жили спокойно, въ разныхъ поселеньяхъ... Слепы мы были тогда!—забыли мы Бога отцевъ: мы кланялись идоламъ сосѣднихъ народовъ, за то вотъ теперь чужіе народы заставляютъ насъ пѣть пѣсни Сионскія на рѣкахъ Вавилонскихъ... Довольно намъ этого горя, пора вразумиться, пора вспомнить

забытый законъ!—О, родина наша святая! О, возжелѣнный гряде Давидовъ!—Томятся сыны твои на чужой сторонѣ, въ тяжкой неволѣ, рыдаютъ и плачутъ по тебѣ, священный Сіонъ!—Можно ли забыть тебя, страна родная? Мы знаемъ теперь, мы чувствуемъ сердцемъ вину предъ собою; мы каемся, плачемъ и впредь не забудемъ уставовъ священныхъ, никогда не измѣнимъ завѣтамъ отцевъ! „Аще забуду Тебе, Іерусалиме, граде возлюбленный: забвена буди, изсохни деница моя, пусть крѣпость и сила меня оставляють, забудутъ меня; пусть лишусь я помощи Божіей, пусть буду увѣчнымъ, несчастнымъ калѣкой!—онѣмѣй, прильпни языкъ мой гортани моему; пусть буду я безгласенъ, „аще не помяну Тебе“!— Пусть всѣ бѣды, скорби обрушатся на меня „аще не предложу“—если не поставлю Іерусалима выше всѣхъ моихъ радостей „яко въ началѣ“— какъ-бы вѣнцомъ всего моего веселья. Нѣтъ для меня выше счастья, какъ смотрѣть на Тебя, любоваться Тобою, родной Священный Сіонъ! Но, увь!—ты теперь разоренъ, храмъ сожженъ, опустошенъ, и враги Твои—ненавидистые потомки Ісава—ликують побѣду надъ прахомъ нашихъ завѣтныхъ святыхъ. Помяни, Господи, сыны Евдомскія, въ страшный день разрушенія Іерусалима злорадно глаголющія: «безъ пощады разрушайте до основанія его». Припомни имъ, Господи, эти злорадныя рѣчи, когда они жестоко смѣялись надъ нашимъ несчастьемъ, смѣялись вамъ также, какъ смѣются надъ нами» хотятъ посмѣяться надъ нашими священными пѣснями, плѣнившими насъ!.. Дщи Вавилоня окаянная, злосчастная опустошительница!—Придетъ и Твой день, день воздаянія, и блаженъ будетъ „иже воздастъ тебѣ воздаяніе“, кто будетъ орудіемъ Божія наказанія за все, «еже воздала си намъ». Блаженъ, кто оплатитъ тебе, тою-же мѣрою, «иже иметъ и разбьетъ младенцы Твоя о камень», чтобы и они-же не дѣлали столько зла, сколько надѣлала ты.

Братіе! скорбные вздохи томившихся въ плѣну Вавилонскомъ евреевъ сродны и нашимъ душамъ. Жительница горняго міра—и наша душа! Блуждая и странствуя здѣсь на землѣ,--мѣстѣ юдоли и печали, часто скорбитъ она по своему небесномъ отечествѣ. Оттуда съ небеснаго возжелѣннаго жилища Божественный Ангелъ душу младую въ объятыхъ принесть для здѣшняго міра печали и слезъ... И это томленье Божественной искры, вдуной въ брненное тѣло человѣка, особенно сильно сказывается въ чуткой душѣ, когда наступаетъ время всмотрѣться въ прошедшее, взвѣснить и оцѣнить все содѣянное... Тогда-то сознание напрасно прошедшей безпечной жизни, грѣховность и суетность желаній и дѣлъ, пробуждаютъ скорбныя чувства и болѣзненный вопль человѣческой души, тоскующей о тихомъ пристанищѣ въ небесномъ жилищѣ...

Братіе! скорбныя чувства и страданья души такъ часто возвышаютъ, очищаютъ и вдохновляютъ ее на новыя бури въ морѣ житейскомъ. Пусть же и наша душа, слушая горькія пѣсни томившагося въ рабствѣ народа, восплачетъ съ ними и о своемъ духовномъ плѣненіи и рабствѣ грѣху и пороку, дабы душу очистивъ и умъ свой возвысивъ, принять въ свой храмъ непорочнаго и чистаго Божественнаго Агнца.

Поселокъ Суеткина Коса. Свящ. С. Васильевъ.

Отчизна небесная.

Кто дастъ мнѣ крылья голубины?
Вспорхнулъ бы я и полетѣлъ,
Черезъ стени, черезъ горъ вершины,
За міра дальняго предѣлъ,—
Туда—туда, гдѣ нѣтъ страданья,
Ни огорченій, ни страстей,
Изъ тягостной страны изгнанья,
Въ объятья родины моей.
Страна небесъ, страна родная!
Забвена будь вся жизнь моя,
Если тебя, жилище рая,
Когда-нибудь забуду я.
Прильпни языкъ къ моей гортани,
Если всегда не будешь ты
Предметомъ пѣсенъ и желаній
Въ семь мірѣ горькой суеты.

(Кульжинскій).

Современные блудные сыны и дщери.

(О порнографіи и о мѣрахъ борьбы съ нею).

Однимъ изъ глубоко-печальныхъ явленій современной общественности, характеризующихъ настроеніе и освѣщающихъ эволюцію общественной нравственности, является открытая реклама и широкое распространеніе среди русскаго общества произведеній такъ называемаго „порнографическаго“ характера.

„Порнографіей“ называется всякаго рода произведеніе человѣческаго искусства, которое имѣетъ цѣлію „возбужденіе любопытства къ скабрзности“. Въ этомъ смыслѣ порнографія можетъ быть и въ литературѣ и въ области изящныхъ искусствъ. Съ точки зрѣнія такого опредѣленія мы имѣемъ основаніе причислить къ этому роду литературы цѣлый рядъ сочи-

нений, начиная съ древнѣйшихъ, напр. нѣкоторыхъ мѣстъ комедій Аристофана, до новѣйшихъ писателей натуралистической школы.

Безспорно, ни въ какой другой періодъ русской исторической жизни такъ нахально-цинично не выступала на улицу порнографія въ ея разнообразныхъ появленіяхъ. Кому изъ насъ не приходилось въ послѣднее время наблюдать слѣдующія сцены: вотъ предъ окномъ магазина стоитъ группа школьниковъ; они оживленно разговариваютъ между собою, смѣются и показываютъ по направленію къ нижней части окна, а одинъ изъ нихъ возбуждено выкрикиваетъ: „куплю, непременно куплю; вотъ эту куплю“. Оказывается, что школяры заинтересованы и возбуждены помѣщенными въ окнѣ порнографическими карточками. И эго на глазахъ цѣлой улицы, цѣлыхъ сотенъ взрослыхъ людей, которые не могли не видѣть, какъ эти фотографіи грязнятъ воображеніе дѣтей, и которые, въ тоже время, остаются равнодушными къ публичному проявленію эгоизма со стороны жаждущаго наживы торговца и притомъ къ проявленію въ наиболѣе гнусной формѣ! Впрочемъ, нѣтъ они не равнодушны! Вотъ предъ другимъ окномъ другого магазина стоитъ толпа этихъ взрослыхъ, солидныхъ людей; здѣсь также слышатся одобрительныя восклицанія; оказывается, что и взрослые, солидные люди заняты разсматриваніемъ открытокъ съ нескромнымъ содержаниемъ. Къ этому присоедините открытыя и закрытыя лѣтнія театральныя сцены со всѣми этими піэсами, вродѣ „Радій въ постели“ или „Звуки Шопена“, съ пикантною прибавкою въ объявленіи „исключительно для взрослыхъ.“... А чѣмъ является въ настоящее время такъ называемая „изящная“ литература, беллетристика, которая въ силу доступности своего изложенія имѣетъ самую большую аудиторію взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, интеллигентовъ и полуграмотныхъ? Наступило такое необыкновенное время, что приходится иногда прятать отъ своихъ дѣтей номера самаго, кажется, невиннаго семейнаго журнала. На первой и послѣдней страницахъ его напечатаны объявленія о такихъ вещахъ, что беретъ ужасъ при мысли, что они прочтутъ это. Нѣтъ никакой гарантіи того, что рассказъ въ послѣдней книжкѣ журнала, или новая книга не откроютъ имъ завѣсу съ чего-то грязнаго и стыднаго, чего они могли бы не знать всю жизнь... И дѣйствительно только слѣпой можетъ не замѣтить хулигански-азартнаго шествія порнографіи. Отъ печатныхъ страницъ слышится все чаще и чаще запахъ іодоформа и карболки. Все чаще видишь провалившіеся носа, оголенные тѣла, непристойные жесты. Улавливаешь какое-то сознательное кокетство цинизмомъ. Напримѣръ, имя Кузьмина общается стать такимъ же историческимъ, какъ имя Баркова. Онъ первый на Руси воспѣваетъ Антиноя—банщика и даетъ теоретическое обоснованіе и апофеозъ „греческой любви“. Каменскій сталъ знаменитъ съ той поры,

какъ написалъ разсказъ о женщинѣ, гуляющей нагишемъ предъ мужчинами и о не устрасимомъ поручикѣ, предъ которымъ не могутъ устоять ни учительницы, ни попады, ни продавщицы изъ кондитерскихъ. Перерываются всѣ архивы, хранящіе запыленную залежь похотливой фантазіи, чтобы снова выпустить ее на свѣтъ Божій. Кому изъ насъ не бросались въ глаза помѣщенные въ газетахъ 1907 г. объявленія объ имѣющихъ быть изданіяхъ, обещающихъ дать такія порнографическія сочиненія, которыя, по выраженію объявленій, запрещены даже во Франціи. Очевидно, мы здѣсь идемъ впереди самой передовой страны! Помимо этого, развѣ мы не видали въ газетахъ объявленій, которыя на народномъ языкѣ называются просто сводничествомъ. И что всего возмутительнѣе, большая часть такихъ объявленій помѣщается въ тѣхъ газетахъ, которыя только себѣ присвоили патентъ устроителей современнаго общества и даже пользуются характеромъ «полуофиціоза». Да, нужно сознаться, что въ большей своей части современная беллетристика порнографична. Но если-бы она была только таковою въ буквальномъ смыслѣ, то это было-бы только полгоря. Порнографическая литература, какъ и порнографическая фотографія, можетъ привлекать къ себѣ только любителей изъ за интересовъ чисто эмоціальныхъ. У такой порнографіи не учатся, а только ищутъ удовлетворенія любострастнаго душевнаго движенія и потому, насколько она имѣетъ дѣло съ чисто животной стороной нашей природы, она хотя и оказываетъ вредное вліяніе на человѣка, но непосредственно еще не подчиняетъ себѣ его духа; ея дѣйствіе можетъ быть постольку продолжительно, поскольку человѣкъ находится съ ней въ непосредственномъ соприкосновеніи. Въ тому же въ общемъ люди настолько еще считаются съ принципами духа, что не выносятъ наружу животныхъ движеній своей природы въ ихъ голомъ видѣ, а потому распространенность порнографическихъ издѣлій всякихъ видовъ не мѣшаетъ людямъ скрывать свои низменныя влеченія. Но современная литература не есть порнографія въ чистомъ ея видѣ; это не просто анатомическая или физиологическая фотографія съ чисто эмоціальными разсчетами. Здѣсь идеологія чувственности, система, философія, тутъ вообще принципиальныя указанія въ духѣ чистѣйшаго язычества. Здѣсь не только фотографія чувственныхъ моментовъ, а выявленіе духа въ физиологическихъ оношеніяхъ, это катехизисъ по важнѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ, которые разрѣшаются на соответствующей предпосылкѣ—именно проблемѣ пола—объ отношеніи мужчины и женщины другъ къ другу въ отрицательномъ христіанствѣ духѣ.

По ученію христіанства—личность, все равно—мужская или женская, имѣетъ безконечную цѣнность. Высшая цѣль брака—нравственная, въ об-

ласти духа. Отношенія между мужчиной и женщиной должны быть таковы, чтобы интересы одной стороны не приносились въ жетву другой, чтобы одна личность не дѣлала ступеньки къ своему счастью изъ другой. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ для человѣка долженъ быть святынею. Отсюда, разъ установленъ союзъ между мужчиной и женщиной, онъ долженъ оставаться въ силѣ во все время ихъ земного существованія; Отношенія половъ глубоко мистичны и потому какъ мужчина, такъ и женщина обязываются прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы не допускать въ свои взаимоотношенія вторженія разъединяющихъ влеченій какъ плоти, такъ и невоспитаннаго духа. Такъ обосновывается въ христіанствѣ идея долга въ отношеніи половъ. Долгъ въ данномъ случаѣ является уздою какъ для тѣла, такъ—еще болѣе—для духа, одна изъ характерныхъ особенностей котораго—вѣчно неудовлетворенная жажда новаго. Совсѣмъ иначе отношенія половъ представляются въ современной беллетристикѣ. Она проповѣдуетъ полную свободу плоти отъ всякихъ стѣсняющихъ ее нравственныхъ нормъ и смотритъ на эти нормы какъ на помѣху къ устройенію счастья въ человѣческомъ обществѣ. Свой идеи современная беллетристика выражаетъ такъ выпукло, даетъ имъ такія рельефныя очертанія и такъ образно развиваетъ ихъ, что читатель съ неустановившейся еще психикой самъ переживаетъ психофизиологическія движенія описываемыхъ въ ней дѣйствующихъ лицъ и фактически ассимилируется съ послѣдними, прежде чѣмъ продумаетъ ихъ стремленія и взгляды, и оцѣнитъ ихъ съ морально-разсудочной точки зрѣнія. Для образца укажемъ на два произведенія—одно изъ области драмы, другое романъ. 1-е—это „Пробужденіе весны“—дѣтская трагедія—Франка Ведекинда, явившееся у насъ въ Россіи сразу въ двухъ переводахъ и заинтересовавшее русское общество. Въ прологѣ къ одной изъ піесъ Ведекинды гордо заявляетъ: «Что видите вы въ комедіяхъ и трагедіяхъ? Домашнихъ животныхъ, благонравныхъ и добродушно пробавляющихся бѣдной растительной пищей... У меня же вы увидите настоящаго звѣря, дикаго и прекраснаго звѣря». Этотъ лейтмотивъ его произведеній звучитъ ярко и настойчиво и въ дѣтской трагедіи—„Пробужденіе весны“. Половой вопросъ, трактуемый въ порнографическомъ стилѣ, и прилегающій къ нему вопросъ школьный, въ данномъ произведеніи являются оболочкой, иллюстраціей, формой, въ которую Ведекинды облекаетъ основную идею трагедіи—«Пробужденіе весны»; это гимнъ торжествующей силѣ жизни, земной жизни съ ея страстями и бурными стремленіями, гимнъ человѣку, попирающему яко-бы созданныя людьми условности... Человѣкъ—сынъ земли, и ничто земное не можетъ быть ему несвойственно; законы природы—законы человѣческой жизни. Въ душѣ человѣка живутъ и должны жить только земные инстинкты, они

имъ управляютъ, онъ имъ безсознательно подчиняется... Побѣдный духъ земли (заключительная сцена «закутанной человѣкъ») цинично разбиваетъ всѣ рѣчи о долгѣ, морали, о томъ, что жизнь должна быть прекрасна; онъ доказываетъ, что жизнь груба-реальна, и въ этомъ ея сила... Эти герои точно стоятъ по ту сторону добра и зла... Они орудіе стихійной силы жизни, величавую мощь которой Ведекиндъ воспѣваетъ. А вотъ другое самоновѣйшее произведеніе, романъ Арцыбашева «Санинъ». Авторъ слишкомъ усердно занимается въ романѣ изображеніемъ по преимуществу юныхъ героевъ и героинь въ ихъ половыхъ стремленіяхъ. Какъ кажется, онъ эти стремленія считаетъ единственно интересными, существенными и господствующими въ жизни, а все остальное, что признается ея содержаніемъ, для него, такъ сказать, только прикладная часть нашего земного бытія. Г. Арцыбашевъ, повидимому, предполагаетъ, что колесница человѣческаго существованія только и катится на одномъ этомъ главномъ колесѣ... Еще Гете сказалъ: „Лишь возвышенное чувство, чувство чести и добра, отличаетъ человѣка отъ другихъ земныхъ существъ“. Но, по мнѣнію современныхъ писателей съ порнографической окраской, такого возвышеннаго чувства, отличающаго человѣка отъ животнаго, не только не должно быть, но именно отъ ложнаго признанія въ себѣ такого чувства люди и страдаютъ въ жизни. Настоящіе новые герои отъ этого чувства, какъ мѣшающаго наслажденію земнымъ существованіемъ, должны себя уволить, и тогда они будутъ не только жить героями, но даже будутъ чуть-ли не «какъ боги». И вотъ г. Арцыбашевъ силится выразить такую «идею» въ образѣ и порнографическихъ рѣчахъ и дѣлахъ своего „героя нашего времени“ Санина. Главный герой романа Юрій—это, по выраженію одного критика, типъ Смердякова, къ которому въ лакеи поступилъ Заратустра. „Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ, что можетъ быть ярче, что можетъ быть краше звѣринаго счастья двухъ юныхъ сердецъ“,—вотъ его девизъ. „Человѣкъ—это гармоническое сочетаніе тѣла и духа, пока оно не нарушено, говоритъ онъ одной дѣвицѣ, катаясь съ нею въ лодкѣ. Естественно нарушаетъ его только приближеніе смерти, но мы и сами разрушаемъ уродливымъ міросозерцаніемъ... Мы заклеили желанія тѣла названіемъ животности, стали стыдиться ихъ, облекли въ унижительную форму и создали одностороннее существованіе. Тѣ изъ насъ, которые слабы по существу, не замѣчаютъ этого и влачатъ жизнь въ цѣпяхъ, но тѣ, которые слабы только вслѣдствіе связавшаго ихъ ложнаго взгляда на жизнь и самихъ себя, тѣ мученики: смятая сила рвется вонъ, тѣло проситъ радости и мучаетъ ихъ самихъ. Всю жизнь они бродятъ среди раздвоеній, хватаются за каждую соломинку въ сферѣ нравственныхъ идеаловъ. . Любовь налагаетъ обязанности, тяжелыя для человѣка

только благодаря ревности, а ревность порождена рабствомъ. Всякое рабство рождаетъ зло. Люди должны наслаждаться любовію безъ страха и запрета, безъ ограниченія. А тогда и самыя формы любви расширятся въ безконечную цѣпь случайностей, неожиданностей и сцѣпленій.“ Резултатъ проповѣди въ романѣ сказался тутъ же. Въ другомъ мѣстѣ герой говоритъ: „Запрятали тѣло въ полотняныя мѣшки, опошлили его альковомъ, сдѣлали предметомъ запретнаго любопытства. Я презираю вашу узаконенный развратъ!“ и т. д. Словомъ, новый Смердяковъ отлично приспособился къ Заратустрѣ, и его къ себѣ приспособилъ и пишутъ „анархическіе“ въ области плоти романы. На стр. 124-й IX кн. „Совр. міра“ героиня дѣвица Карсавина послѣ паденія начинаетъ понимать, что ея тѣло „сильнѣе и требовательнѣе разума, любви и самого сознанія“. Авторъ методически доказываетъ и объясняетъ, что тѣло героини требовало того то, а разумъ другого, и тѣло было правъ, а разумъ лгалъ. Отсюда выводъ: если тѣло твое говоритъ правду, а мысли лгутъ, то, естественно, слушайся тѣла, а мыслями пренебреги. За послушаніе тѣлу—„мучительное наслажденіе“ и „таинственно влекущій міръ“ и „что то необыкновенное, безумно-захватывающее, какъ никогда“, а послушалась Карсавина разума—и вотъ явилась „тоска“, „отчаяніе“ и „мучительный стыдъ“. Какъ видите, здѣсь открытая проповѣдь эмансипаціи тѣла отъ контроля разума, апофеозъ плоти. Само собою разумѣется, что результаты подобной проповѣди могутъ быть только самыя плачевныя даже съ чисто біологической точки зрѣнія. Если половое чувство освободить отъ моральныхъ регуляторовъ, оно, неизбѣжно, разлагаетъ личность самого его носителя, децентрализуетъ его и заставляетъ въ своей дѣятельности подчиняться прихотливымъ желаніямъ животной природы. Духовность человѣка при такомъ усилии понижается до minimum'a. Онъ, такъ сказать, цѣликомъ уходитъ въ матеріальное чувство, и такъ какъ оно, по мѣрѣ своего удовлетворенія, ширится и становится болѣе и болѣе капризнымъ, то въ связи съ этимъ и вся его психика выходитъ изъ состоянія равновѣсія. Но современная беллетристика, проповѣдующая апофеозъ плоти, угрожая благосостоянію индивидуума, угрожаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обществу, доказательствомъ чего являются (см. № 32 „Русскій Врачъ“) цифры, устанавливающія, что принципы натурализма достаточно усвоены современнымъ юношествомъ. Припомните организованныя общества: „Лови моментъ“, „Огарки“. Еще на дняхъ, какъ сообщали газеты, Московскій Градоначальникъ, узнавъ, что къ одной акушеркѣ явилась 14 лѣтняя гимназистка IV москов. гимназіи, произвелъ слѣдствіе, по которому оказалось, что она членъ общества „Лови моментъ“, гдѣ она на собраніяхъ и заберемѣнѣла.

Спрашивается, что же дѣлать съ тѣмъ великимъ развращающимъ

соблазномъ, какой создается современной порнографической беллетристикой? Что дать въ качествѣ противоядія тѣмъ, кто пьетъ ея отраву и кого она развращаетъ и явно губитъ?

(Окончаніе будетъ).

Современное настроеніе

Послѣ нѣсколькихъ туманныхъ, дождливыхъ, мрачныхъ и тоскливыхъ дней, выдалось погожее утро. Вѣтеръ прогналъ туманъ; въ воздухѣ было свѣжо; зорька ясно загорѣлась, обѣщая теплый, солнечный день. Дѣйствительно, солнышко выглянуло изъ-за горъ, принесло свѣтъ и тепло. Радостно стало на душѣ. Что ни говорите, а состояніе погоды и природы оказываетъ вліяніе на настроеніе человѣка. Не даромъ говорятъ, что туманы Англій породили англійскій сплинъ. Но не успѣло солнышко и до „полдень“ дойти, какъ этотъ сырой, промозглый, сѣрый, тяжелый туманъ снова, какъ чудовище, мягкими пѣбкими длинными шупальцами, охватилъ землю. Сначала медленно, неувѣренно; какъ бы крадучись, ползъ онъ, рѣдкій, чуть замѣтный, не ощущаемый; но потомъ, спускаясь съ горъ, поднимаясь изъ ущелій, онъ словно почувавъ свою силу и желая наверстать опущенное, соединяется, настушаетъ, покрываетъ, и захватываетъ, густѣетъ, сковываетъ, славливаетъ, пронизываетъ. Скрылось солнце; не видно горъ; не слышно птицъ; въ десяти шагахъ ничего не увидишь; звукъ, не разрастаясь, теряется, пропадаетъ. Кругомъ туманъ, туманъ и туманъ!

Гдѣ свѣтъ, тепло и радость? Все ушло за этотъ безконечный сѣрый туманъ. Сыро, холодно, грязно, скучно! Такіе быстрые и рѣзкіе переходы отъ свѣта и тепла къ мглѣ и холоду особенно удручающе вліяютъ на человѣка, направляя мысли на грустныя стороны жизни. Возьмешь за чтеніе газетъ и тамъ не встрѣтишь отраднаго факта, и тамъ нѣтъ свѣта и тепла; всюду мелочность, самолюбіе, обманъ, раздоры, ненависть, злоба, кровь. Невольно напрашивается сравненіе нашей жизни съ погодою: вездѣ туманъ и... становится холодно, скучно!

Или возьмемъ пастырское дѣло и дѣланіе. Гдѣ свѣтъ, откуда вѣетъ тепло, изъ какой отдушины струится чистый воздухъ? Надо сказать по чистой совѣсти, что почти вездѣ мгла, холодъ, затхлость.

Прежнія установившіяся традиціи и вѣрованія поколеблены, кумиры разбиты, новаго тьердаго ничего нѣтъ и стоятъ пастыри на распутіи, предоставленные каждый самому себѣ и дѣлаютъ возложенное на нихъ дѣло по привычкѣ, крѣпко засѣвшей издавна, но уже безъ той увѣренности въ правильности дѣланія, какая была прежде, а вяло, бездушно. Одни пастыри, смотря на будущее, говорятъ, что собралась правая Дума,

опасности слѣва никакой,—устроить она жизнь духовенства, обезпечить его матеріально, продолжай поэтому каждый исполнять свое дѣло по-прежнему (канцелярски и формально), отписывайся, расписывайся, основывай различныя религіозныя общества и учрежденія (въ большинствѣ—мертвыя), меньше дѣлай, больше говори, выставивши лозунгомъ слова: „Православіе, Самодержавіе и Народность“, и „благо ти будетъ и долготѣнъ будешь на земли“. Народъ настолькоъ еще религіозенъ и привязанъ къ нынѣшнимъ пастырямъ, что никогда и ни въ какомъ случаѣ не оставитъ ихъ, будутъ слушать ихъ, пойдетъ за ними; какъ безъ пастырей народу быть, вѣдь у всякихъ сектантовъ есть наставники и руководители религіозной жизни. Онъ (народъ) вполне доволенъ существующими церковными порядками: священникъ совершаетъ богослуженіе, исполняетъ требы, произноситъ поученія, ведетъ собесѣдованія съ народомъ, собираетъ „доброхотныя даванія“,—прихожане ходятъ въ храмъ, молятся, ставятъ свѣчи, „заказываютъ“ молебны и панихиды, слушаютъ поученія, даютъ „доброхотно“ пастырю. Все тихо, благо“ («обстоитъ благополучно»). Таковъ взглядъ на настоящее положеніе дѣла у однихъ батюшекъ.

Другіе держатся иного взгляда.

— Какова бы ни была Государственная Дума, говорятъ они, она не устроитъ дѣла церкви, она не придвинетъ народъ къ пастырямъ и наоборотъ, она не изгонитъ въ большинствѣ формальнаго отношенія пастырей къ пасомымъ, не воцѣлитъ живую струю въ дѣланіе пастырей, и съ этой стороны ждать рѣшенія церковнаго вопроса нельзя. Между тѣмъ народъ, выбитый, хотя мѣстами и не замѣтно для посторонняго и вообще поверхностнаго наблюдателя, изъ колеи вольнаго освободительнаго движенія, войти уже въ эту колею не можетъ; полученный толчекъ привелъ въ движеніе мысль и народныя массы и движеніе это не прекратилось, оно продолжается, сократившись, быть можетъ до минимума, но придетъ время и оно будетъ совершаться быстрѣе и быстрѣй. Облегчивши условія существованія матеріальнаго, оно перейдетъ къ критической оцѣнкѣ и упорядоченію и религіозной жизни; на этомъ пути ему прежде всего встрѣтится духовенство, какъ руководитель духовной жизни народа. Удовлетворится ли тогда народъ современнымъ состояніемъ церковной жизни, нынѣшнимъ дѣланіемъ пастырей, какъ отправителей богослуженія и совершителей требъ.“ Едва-ли! Не скажутъ ли тогда нынѣшнему духовенству: „вы—духовные, но слишкомъ заняты плотскими дѣлами; вы считаете себя пастырями, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ; именуете себя служителями и желаете господствовать; въ васъ нѣтъ духа Христова; ваши поученія сухи и отвлечены, ваши собесѣдованія безжизненны, вы не плоть отъ плоти нашей, интересы ваши и наши расходятся, а посему ос-

тавте насъ; мы найдемъ другихъ пастырей, которые отвѣчали бы своему назначенію.“ Вотъ чего надо ожидать въ будущемъ. Нѣкоторые же пастыри совершенно ничего не думаютъ о будущемъ, живутъ настоящимъ, считая братскую кружку, и болѣютъ душой лишь при скудости оной, предоставивъ другимъ думать за себя и исполняя готовое.

Кто правъ, покажетъ будущее. Ненормальности церковнаго строя и необходимость того или иного обновленія сознается большинствомъ духовенства.

И это обновленіе должно совершиться; кто совершитъ его? кто разсѣетъ этотъ кошмарный туманъ? Надежда была на соборъ. Осуществится ли она? Будетъ-ли соборъ выразителемъ жизни; будетъ-ли онъ по сердцу и постановленія его авторитетны и нравственно обязательны для всѣхъ? На соборъ также существуютъ среди духовенства различные взгляды. Большинство относится безучастно: прикажутъ—выберемъ, предпишутъ—исполнимъ, постановятъ—согласимся. Или вотъ приготовленія къ Собору г. Станичника (№ 47 Епарх. вѣдом.). Посмотрите на его предсоборныя поученія: „Просто надо читать Высочайше утвержденное положеніе о созывѣ собора и усваивать порядокъ выборовъ въ него, чтобы съ толкомъ, да честно произвести ихъ, когда наступитъ къ тому время“ (стр. 779). Читалъ я эти положенія нѣсколько разъ, читалъ „просто“, читалъ „мудрено“ и не нашелъ ничего, что требовало бы „усваиванія“ и „разъясненій неоднократныхъ“, если только держаться въ рамкахъ положеній. «Усваивать порядокъ выборовъ“—развѣ выборы будутъ особенные какіе? Самые обыкновенные, какъ и выборы старостъ церковныхъ и „усваиваніе“ излишне. Только изъ чтенія положеній ровно ничего не видно: зачѣмъ составляется соборъ, какія его прерогативы, что онъ будетъ вѣдать, какія дѣла подлежать его усмотрѣнію, все это остается неизвѣстнымъ для читающаго. Вѣдь, если мы будемъ «просто читать,» толпы, которые внимательно отнесутся къ «усваиванію» порядка выборовъ, и скажутъ намъ: зачѣмъ намъ выбирать своего на соборъ? что нашъ братъ дѣлать тамъ будетъ? такъ—для „мебели“ присутствуй, потому, какъ мы никакихъ вашихъ церковныхъ дѣлъ не знаемъ и никто не говоритъ намъ о нихъ ничего; а изъ этихъ самыхъ положеній видно только, что епископы тамъ на соборѣ вершить будутъ и то не всё. Епископы отдѣльно—заниматься дѣлами будутъ, да рѣшенія становить, а кто изъ нашего, да скажемъ и изъ вашего, брата будетъ, и скажетъ что-нибудь по какому знакомому ему дѣлу и уходи: «послушали, де тебя, а рѣшить и безъ тебя можемъ“. Что ему на это сказать? И оставаясь въ рамкѣ положеній, сказать будетъ нечего. По поводу „дымократовъ“ г. Станичникъ говоритъ, что „у мужика умъ не волкъ съѣлъ“, то же надо приложить и къ Собору. Пора безуслов-

наго довѣрія прошла безвозвратно. Теперь по каждому дѣлу спрашиваютъ зачѣмъ? почему? для чего? какъ? На эти вопросы относительно Собора и сами батюшки много сказать не могутъ, если бы и хотѣли: они тоже въ курсѣ дѣла, хотя оно должно близко касаться ихъ. Собирались какъ-то заговорили и выговорились, больше и силъ, какъ будто, нѣтъ. Опять все поглотилъ туманъ... Живемъ изо-дня-въ-день, не поучаясь прошедшимъ, не думая о будущемъ.

Но... «дорожите временемъ, потому что дни лукавы». (Ефес. 5, 16).

С. В. П.

ЗАДАЧИ МОМЕНТА.

(Новогоднія думы).

Наступающій новый годъ очень многими не такъ бодро и не съ такими свѣтлыми надеждами встрѣчается, какъ только что минувшіе два года, —какая то подавленность, разочарованіе наблюдается повсюду, даже и на натурахъ болѣе живыхъ и подвижныхъ и невольно какъ-то поддаешься этому общему унылому настроенію. Не говоря уже о жизни государственной, но и въ жизни церковно-общественной въ минувшіе два года всѣ съ нетерпѣніемъ ждали великихъ преобразованій, усовершенствованій и полного обновленія строя, оба прошедшіе года встрѣчались съ надеждой на всероссійскій всеисцѣляющій соборъ—можетъ быть, это значеніе для него было и очень преувеличено, но все же ожиданіе его веселило сердце,—а грядущій годъ даже и этой надежды въ насъ, повидимому, не вселяетъ. И невольно малодушные задаются вопросомъ: гдѣ же искать ободренія для дальнѣйшаго дѣланія на аренѣ жизни, гдѣ источникъ, омывшись въ которомъ, можно было бы обновить свои силы, окрылить свои надежды?

• Намъ думается, что наблюдаемая унылость и подавленность настроенія въ церковно-общественной жизни есть плодъ недоразумѣнія и много зависитъ отъ того ложнаго положенія, въ которое представители церкви, —высшее и приходское духовенство,—поставили себя и церковное дѣло во дни революціоннаго движенія. Церковное обновленіе у насъ, какъ извѣстно, было поставлено въ неразрывную связь и полную зависимость отъ обновленія политической жизни. Можно было наблюдать, что въ моменты наибольшаго успѣха освободительнаго революціоннаго движенія въ жизни государственной замѣчалось и наиболѣе широкое раскрытіе горизонтовъ церковныхъ преобразованій, на обновленческіе церковные проекты и запросы намѣчались тогда и сверху—отъ церковной власти, уступчивые отвѣты и планы преобразованій. Представители церковной власти только какъ бы подъ давленіемъ революціи шли съ изъявленіемъ полной готовности провести широкія реформы по всѣмъ частямъ церковной жизни, са-

мый языкъ официальныхъ актовъ и изданій тогда сталъ было другимъ сравнительно съ прежнимъ. Но лишь правительство, подавляя революцію, ввело рядъ стѣснительныхъ и ограничительныхъ мѣропріятій. лишь улеглось такъ называемое освободительное революціонное движеніе, и церковныя реформы сейчасъ же отошли съ своей очереди назадъ и намѣчавшіяся и данныя было въ церковной жизни свободы и послабленія, понемногу урѣзаны и отобраны обратно. Получилось, такимъ образомъ, полное подтвержденіе не только того положенія, что церковная жизнь въ своемъ поступательномъ движеніи находится въ зависимости отъ государственной, но и того еще болѣе горшаго, что она заключена во вѣщія оковы «православнаго вѣдомства», которое какъ бы опасается стать выше государственныхъ рамокъ и дать членамъ своимъ истинную христіанскую свободу. Ясное дѣло, что такая зависимость церковной жизни отъ государственной не нормальна и для церкви губительна. Губительна главнымъ образомъ съ той стороны, что церковь, благодаря этой зависимости, теряетъ значеніе той сознающей свою духовную мощь утѣшительницы, къ которой естественно было бы прибѣгнуть большинству русскаго общества, разочарованному въ успѣхъ политической революціи. Если бы церковь жила своею независимою жизнью, пользуясь и усвоивъ полноту благодари, дарованныхъ ей отъ Христа, а не ожидая этихъ благъ отъ государства, она была бы тѣмъ живымъ источникомъ, тѣми успокаивающими нѣдрами, куда стремились бы всѣ обездоленные въ жизни мірской и всѣ разочарованные въ мучительномъ (революціонномъ) движеніи впередъ безъ Христа. Но этого мало, исторія показываетъ намъ рядъ примѣровъ того, какъ подъ флагомъ религіозной реформаціи проходили глубокія социальна-политическія реформы*), и стало быть самое обновленіе жизни государственной могло бы стать въ зависимость отъ вліянія реформаціи церковной.

Въ свѣтской публицистикѣ не разъ указывалось, что современное намъ освободительное движеніе должно стать религіознымъ. Нельзя не присоединиться къ этому и не сказать, что только принявъ религіозную окраску, оно, дѣйствительно, можетъ надѣяться на приближеніе къ тѣмъ идеаламъ, которые въ лучшемъ смыслѣ увлекли наше общество. Не говоря уже о томъ, что такое измѣненіе окраски нашего освободительнаго движенія совпало бы съ чаяніями религіозно-настроенныхъ круговъ русскаго общества, мы полагаемъ, что и сама общественно—политическая структура нашей страны даетъ не мало шансовъ на разрѣшеніе социальныхъ задачъ

*) Въ марксистской литературѣ хорошо разработана въ этомъ отношеніи исторія англійской революціи, когда Кромвель и англійскій народъ воспользовались для своей буржуазной революціи языкомъ, чувствами и иллюзіями, заимствованными изъ ветхаго завѣта.

текущаго момента именно на почвѣ религіозно-общественной. Когда находящіяся въ антагонизмѣ классовые, групповые и національные интересы препятствуютъ населенію сойтись на общей задачѣ, религія, какъ объединяющее начало, приходитъ на помощь, заставляя людей пренебрегать для великой идеи личными интересами. Слѣдовательно, не унынію поддаваться надлежало-бы членамъ церкви русской при неудачахъ освободительнаго движенія въ жизни государственной, а наоборотъ отъ унынія освободятъ тѣхъ, кто впалъ въ такое отъ этихъ неудачъ. Церковь не только должна привлечь къ себѣ всѣхъ разочарованныхъ и неудовлетворенныхъ въ погонѣ за идеалами жизни мірской, не только ободрить и окрылить ихъ къ новой живой дѣятельности, но и подъ водительствомъ своимъ двигать людей постоянно къ самоусовершенствованію и къ усовершенствованію и обновленію въ христіанскомъ духѣ формъ общественной и политической жизни. Но для этого представителямъ и руководителямъ ея надлежитъ твердо запомнить, что имъ не надо опираться на пионеровъ освободительнаго политическаго движенія и не имъ идти въ ихъ хвостъ и унывать отъ ихъ неудачъ, а наоборотъ изъ самихъ себя имъ надлежитъ представлять тѣ силы, на которыя религіозное и общественное прогрессивное движеніе должно опираться, самимъ быть руководителями въ стремленіяхъ человечества къ идеаламъ истинной свободы, братства и правды. Значитъ, задача момента намѣчается самымъ ходомъ дѣла:—допущенная со стороны представителей церкви въ революціонные годы ошибка должна быть исправлена и руководители церкви должны уразумѣть запросы отъ нихъ общества, взять людей стремящихся къ обновленію жизни подъ свою благодатную руку, утѣшить ихъ и направить по истинному пути къ искомымъ идеаламъ. Унывать и отчаяваться отъ неудачъ политической жизни пастырямъ церкви не подобаешь, ибо «церковь Божію и врата ада не одолѣютъ», и съ другой стороны, только идеалы христіанства имѣютъ безспорный характеръ реальности и истинности,—только невѣрующему позволительно опускать руки, а «вѣрующему вся возможна» и завѣтъ Писанія „обновляйтесь духомъ“ наиболее умѣстно вспоминать при вступленіи въ новую годину бытія именно пастырямъ церкви. Пастырямъ церкви надлежитъ обратить вниманіе въ частности и на то обстоятельство, что не находя удовлетворенія въ отношеніяхъ ихъ къ пасомымъ, отъ церкви отдѣлились уже три основныя теченія современнаго русскаго интеллигентскаго религіознаго движенія: группа христіанско-соціалистическая, примыкающая къ «христіанскому братству борьбы», неохристіане, сближающіе свои воззрѣнія съ вселенскими пророчествами Вл. Соловьева и съ его мистическими исканіями въ поэзіи, и мистики анархисты [Чулковъ «объ утвержденіи личности»]. Затѣмъ, довольно значительная часть обще-

ства ищетъ удовлетворенія своимъ религіознымъ запросамъ въ теософическихъ кружкахъ и въ разныхъ формахъ сектантства. Эти внѣцерковныя движенія лишній разъ подчеркиваютъ, что духовныя силы русскаго духовенства, по мнѣнію представителей этого движенія, въ значительной мѣрѣ изсякли и что въ дѣлѣ религіознаго обновленія на его рѣшающее активное участіе разсчитывать имъ какъ бы не приходится. „Какими, въ самомъ дѣлѣ, чертами, спрашиваетъ одинъ изъ защитниковъ*) сектантства, отличается наше духовенство, чтобы быть въ состояніи сыграть рѣшающую роль въ дѣлѣ религіознаго обновленія? Всякому изъ обыденной жизни знакомы всѣ, какъ положительныя, такъ и отрицательныя качества нашихъ „батюшекъ“ и по совѣсти можно сказать, что ихъ положительныя стороны, напр. трудолюбіе, работоспособность очень полезны, конечно, во всякомъ дѣлѣ, но именно эта-то ихъ „житейская мудрость“ въ религіозномъ дѣлѣ требующемъ увлеченія и экстаза, представляется скорѣе „отрицательною чертою.“

«Правда, мы наблюдаемъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, прогрессивное движеніе среди духовенства такъ называемое „церковно-освобожденцевъ“, которое объединяетъ собою, повидимому, значительное большинство нашего бѣлаго духовенства,—не формально, конечно, но по духу. Но, къ сожалѣнію, преобладающею чертою этого движенія является борьба за власть съ чернымъ духовенствомъ и другіе церковно-правовые и матеріальныя вопросы, которые заслоняютъ собою духовную сторону религіознаго движенія, а между тѣмъ она-то и есть самая важная. Для народа мало интересна эта борьба за права и онъ едва ли что выиграетъ, если господство въ церкви получить бѣлое духовенство вмѣсто чернаго. Коренной же вопросъ въ томъ, что самый религіозный живой духъ отошелъ отъ руководителей церкви и чающіе религіознаго обновленія по неволѣ ищутъ его внѣ церкви.“

„Духа не угашайте, хочется поэтому сказать при вступленіи въ новый годъ пастырямъ церкви, на нихъ и только на нихъ вѣдь должна лежать забота вернуть въ лоно церкви фактически отклонившіяся и отказавшіяся отъ нея массы. А для этого христіанство надобно сдѣлать не формою, а силою жизни, вѣдь христіанство господствующей церкви потому и не привлекательно для многихъ современныхъ сознательныхъ людей, что проповѣдники его зачастую сводятъ свое дѣло до чиновничьяго внѣшняго исправленія долга—до требоисправленія, что сами пастыри своимъ примѣромъ какъ бы не исповѣдуютъ силу Христову. Но не формы и обрядовъ ищутъ въ религіи люди вдумчивые и обездоленные, а именно силы и содержанія. Если волны житейскаго моря и особенно девятый валъ революціи причинилъ большія поврежденія кораблю государственному и

*) Слово.

погубить тысячи челноковъ и ладьи частныхъ жизней, то церковный корабль, имѣющій болѣе глубокую осадку, какъ нагруженный тяжеловѣснымъ драгоценнымъ грузомъ истины, и управляемый опытными и знающими капризы стихій кормчими,—не долженъ бы подвергаться большой качкѣ и въ бурю на житейскомъ морѣ, а всего лучше онъ не долженъ бы выходить не во время изъ тихой пристани, увлекаясь неразумительнымъ примѣромъ отваги кормчихъ другихъ кораблей и мелкихъ судовъ. Вотъ теперь, когда море нѣсколько успокоилось, кормчимъ церковнаго корабля и надлежитъ выступить въ плаваніе къ дальнимъ берегамъ христіанской свободы, братства и обновленія, увлекая за собою государственный и другіе корабли. (Смоленск. Еп. вѣдом.)

По приходамъ епархіи.

Г. Владикавказъ. Праздникъ у трезвенниковъ. 25 января «общество трезвости» праздновало шестую свою годовщину. На этотъ разъ праздникъ прошелъ торжественно. Наканунѣ четыре священника, во главѣ съ Протоіереемъ І. Орѣховымъ, совершили въ Александро-Невской церкви всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Божіей Матери—„Утоли моя печали“. Раздавались листки—«мѣры борьбы съ пьянствомъ». На утрѣ была совершена утренняя, а литургію изволилъ совершить Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Гедeonъ, Епископъ Владикавказскій и Моздокскій; сослужащими были: Протоіерей І. Орѣховъ и пять священниковъ. Народу была полна церковь. Пѣлъ мѣстный хоръ пѣвчихъ. Проповѣдь, въ обычное время, сказалъ священникъ Д. Бѣляевъ: учредитель и глава „общества трезвости“ убѣждалъ трезвенниковъ не превозноситься своимъ поведеніемъ, а молить Бога о продленіи Божьяго благословенія на дальнѣйшіе труды о своемъ нравственномъ преуспѣяніи. Предъ началомъ молебна обратился съ словомъ къ трезвенникамъ Преосвященный Гедeonъ. Поздравивъ всѣхъ съ праздникомъ, онъ наименовалъ трезвенниковъ—подвижниками и воинами Христовыми. Подвижники и воины Христовы побѣдили самихъ себя, свою пьянственную страсть. Это—самая трудная побѣда. И вѣнчаетъ Господь труды не коронованныхъ побѣдителей, завоевавшихъ города, царства,—а труды подвижниковъ—побѣдителей надъ своими страстями благославляетъ Господь нетлѣніемъ ихъ тѣлъ. Трудность этой борьбы испыталъ каждый изъ васъ... Чтобы устоять въ этой борьбѣ, остаться непоколебимымъ побѣдителемъ—слѣдуетъ уповать не на свои силы, а на силу Божію. Молиться Богу нужно. Нужно тверже помнить обѣтъ свой... Для иллюстраціи послѣдней мысли Преосвященный—проповѣдникъ привелъ примѣръ изъ личной жизни, какъ еще на школьной скамьѣ пріобрѣлъ онъ привычку къ табакокурению, какъ пришлось потомъ бороться съ овладѣ-

вшей страстью и наконец побѣдить—уже въ санѣ священника, давши обѣтъ воздержанія предъ мощами св. Митрофанія... Такъ живо—картинно была нарисована эта борьба съ страстью, такъ эта картина глубоко запала въ головы и сердца слушателей, что тутъ-же, выходя изъ церкви, поняли всю проповѣдь Преосвященнаго, какъ призывъ къ борьбѣ не толькѣ съ пьянствомъ, но и съ табакокурениемъ... На молебнѣ всѣми священнослужителями прочтены по восьми книгамъ имена всѣхъ членовъ Общества (болѣе 5 тыс. человекъ).—Порадованы были трезвенники такимъ участіемъ Преосвященнѣйшаго Владыки и выражали Ему свою сердечную благодарность.

— *Сел. Алагиръ.—Храмовой праздникъ.* Девятнадцатое января, всякій годъ, алагирцы чтятъ съ особенно приподнятымъ чувствомъ. Въ этотъ день, какъ извѣстно, православная церковь празднуетъ св. преподобнаго Макарія Египетскаго, во имя котораго освященъ одинъ изъ трехъ престоловъ мѣстнаго храма, сооруженнаго русскимъ правительствомъ болѣе полувѣка тому назадъ. Кромѣ того, во имя эгого же святого, на Садонскомъ рудникѣ, населеніе котораго въ русской своей части, въ административномъ отношеніи подчиняется Алагиру,—въ одной изъ рудничныхъ штоленъ (если не ошибаюсь—въ Александровской), въ боковомъ фронтѣ или штрекѣ, по мѣстному—устроена часовенка, въ которой ожегодно, 19 января, служатся молебны св. Макарію, какъ покровителю горныхъ работъ.*)

Собственно говоря, алагирцы зимою празднуютъ два престольныхъ праздника, такъ какъ въ упомянутомъ ихъ храмѣ, кромѣ посвященныхъ препод. Макарію и Вознесенію Господню, есть еще престоль, освященный во имя св. Николая, Мирликійскаго чудотворца, празднуемаго, какъ извѣстно и 6 декабря и 9-го мая. Такъ его то и празднуютъ 6 декабря, а Макарія 19 января или крайней мѣрѣ, прежде праздновали. Такъ, въ старыя годы, когда дѣйствовалъ еще, нынѣ закрытый, металлургическій заводъ; день св. Николая праздновался на заводѣ въ конторскихъ помѣщеніяхъ, изъ которыхъ на это время выносили книги и бумаги и вмѣсто всего этого разставляли накрытые и сервированные для обѣда столы. За этими столами и служащіе и рабочіе завода, а также и приглашенные жители селенія, послѣ торжественнаго молебствія, пили, закусывали и обѣдали, провозглашая приличные случаю тосты. День же св. Макарія всегда справлялся въ селеніи, въ помѣщеніи волостного правленія, гдѣ къ этому времени все вычищалось,

*] Еще въ 1903 г., въ статистическомъ обзорѣ епархіи (№ 50—церковь) спрашивалъ я: «часовня Макарьевская»—„гдѣ, когда построена?“ Но до сего времени не получилъ отвѣта. Ред.

мылось и приводилось въ должный порядокъ. Затѣмъ, въ самый Макарьевъ день, послѣ торжественной службы въ храмѣ, по окончаніи литургіи народъ, съ духовенствомъ во главѣ, исключительно почти одни мужчины, шель къ правленію, гдѣ и служилъ молебень святому съ подобающимъ случаю многолѣтіемъ и окропленіемъ св. водою. Послѣ того всѣ присутствующіе приглашались волостнымъ старшиною къ закускѣ и къ обѣду. Нынѣшній январь въ Алагирѣ выдался какимъ-то особенно теплымъ и по дорогамъ снѣгу уже нѣтъ, а вмѣсто него—ледяная кора, либо грязь. День нынѣшняго 19 января выдался во всякомъ случаѣ чудный. не было ни мороза, ни большой оттепели и народа въ церкви было множество, но къ правленію пошла едва ли четвертная часть, такъ какъ традиціонный обѣдъ не отличался обиліемъ. За то въ Садонскомъ рудникѣ, какъ передаютъ оттуда по телефону, торжество было на славу. Оно заранѣе готовилось для рабочихъ и служащихъ дирекціей рудника, на средства представителя бельгійскаго горнопромышленнаго общества «Алагиръ» г. Дюкенин. Чтобы придать этому торжеству большее значеніе, изъ Алагира, изъ Мизура и другихъ мѣстъ были приглашены и посторонніи, не участвующія въ горномъ дѣлѣ лица Праздникъ, какъ передаютъ, вышелъ блестящій, такъ какъ и тамъ погода ему благопріятствовала. (Терскъ вѣд.).

Редакторъ неофициальной части Священникъ І. ПОПОВЪ.

Печат. разрѣш. 2 февраля 1908 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.
